

[Введите текст]

Кристиан Гречо

Образцовый дом

Из Алшовароша, южной части города, возвращалась школьница: она шла домой от одноклассника – он сидел дома по болезни, и у него надо было забрать домашнее задание. Одноклассник всего-навсего прогуливал – к счастью: ей очень не хотелось бы объяснять арифметику, когда рядом кашляли и чихали; она уже боялась всяческих инфекций. Она с облегчением подумала, что сейчас точно ничего не подхватила, а поэтому шла, улыбаясь миру, площади Матяша и старому, крытому камышом дому, перед которым у входа на ветхой деревянной скамейке, стонущей под весом, сидели старики, даже сидя опираясь на свои палки, как будто без них было совсем невмочь. Они увидели Веру, а она как раз думала, надо ли с ними здороваться: папа говорил, что с незнакомыми не надо, но это были пожилые незнакомые и, по виду, очень приветливые незнакомые – поэтому, может быть, что с ними и нужно поздороваться. Родители никак не могут разобраться в этом, не могут объяснить, что и как. Но в последний момент в дело вмешалась погода – или случай: только Вера поравнялась со скамейкой, как среди солнечного дня из ниоткуда налетел ураган, ни с того ни с сего ударил ливень; бабушка в платке и дедушка в черной шляпе с тревогой окликнули ее, позвали к себе.

Сначала девочка стояла на крыльце, но когда капли стали долетать и дотуда, она зашла в темную кухню; старики сунули ей полотенце, которое она сначала не хотела брать, но Вера промокла насквозь, а полотенце было таким теплым и мягким, что она согласилась; а потом ее угостили ужином и даже хотели дать денег.

Веру это настолько удивило, что они, увидев ее изумление, уже не наставляли на своем, но чуть-чуть мельбы, фруктового пирога, нужно было съесть просто обязательно, поэтому она не заставила себя ждать и откусила немного – бабушка с дедушкой сидели рядом, жамкая, как будто тоже жевали что-то, а в глазах у них сияла такая радость, как будто Вера оказала им неоценимую услугу.

Совершенно неясно, почему именно, но почему-то этим вечером она впервые в жизни заподозрила, что с ней что-то не так. Мелкими шажками, приставляя носок к пятке – подошвы скрипели – она медленно шла домой. Дождь уже кончился, стены собора Святого Матяша влажно блестели; солнце зашло, а она стояла на месте и плакала – точнее, не плакала, потому что всхлипываний не было слышно совсем, и только слезы текли: так, как она раньше видела у мамы. Вера плакала, когда было из-за чего, она не могла, как мама, плакать от радости или «просто так». Но сейчас почему-то подступили слезы, хотя ей было совсем не грустно, просто растрогалась от

[Введите текст]

того, с какой радостью ее приняли старики только из-за того, что она не отказывалась от того, что они ей предлагали.

Солнце зашло за крыши домов, жутко, холодно серела перед Верой площадь. Девочка поежилась и пошла – почти побежала – домой, так, что сумка подпрыгивала на спине. Ей подумалось, что было у бабушки с дедушкой было хорошо, совсем в сказке или даже в библейской истории, где происходит что-то столь же странное, непонятное, но доброе.

Дедушка с бабушкой заморозили Веру, неясные, почти сказочные минуты с ними казались уже далекими. Холодная сентябрьская ночь прояснила мысли, и Вера вспомнила, что дедушка спросил, кому она приходится дочерью, и она ответила, что она дочь Белы Татраи, как и учил папа. Прежде ей не доводилось представляться, она не понимала даже, когда это может пригодиться, если с незнакомыми разговаривать нельзя, а с кем она знакома, тот ее имя уже знает. Но сегодня впервые пригодилось все то, что говорил папа, она протянула руки, почему-то сразу обе, потому что не могла решить, какую именно нужно; а бабушка плакала и смеялась. Вера еще сказала:

- Здравствуйте, меня зовут Вера Татраи.

В ответ бабушка поцеловала ей руку – папа не рассказывал, что такого нужно ожидать, когда познакомишься с кем-то. Вере не понравилось, было даже немного противно, но обидеть бабушку она не хотела, поэтому руку не отдернула. Дедушка сказал, что был знаком с ее дедом, но тут же почему-то хотел сказать по-другому:

- То есть, - сказал он, почесав седую бороду, которая росла у него на самом подбородке. Борода страшно скрипела, - то есть, - сказал он еще раз и замолчал.

Бабушка поддержала:

- Ну конечно, это точно был он.

И добавила еще, что отец Верачки – она уже ласково называла ее так – что отец Верачки – инженер. Вера возразила, что ее отец – солдат, на что старики с облегчением рассмеялись, хотя ничего смешного в этом не было, но они долго хохотали; конечно, ее отец служил в армии, но не воевал, а строил мосты, плотины и все такое.

Вера кивнула. Это было понятно, ее папа действительно много рассказывал о мостах и реках и гораздо меньше о танках и солдатах, и эта мысль настолько отвлекла всех, что она ничего не спросила о своих бабушке

[Введите текст]

и дедушке. Теперь, по дороге домой, ее сковывало холодом от мучительного осознания того, что она как будто бы совершила непоправимую ошибку. Дедушка еще сказал, что на фронте он сражался бок о бок с вериным дедом, что он был хороший человек. О бабушке он не сказал ничего, а спроси Вера об этом – так бы чувствовала себя, как будто подглядела за кем-то в замочную скважину. Папа с мамой всегда говорили, что дедушка с бабушкой рано умерли – раньше все умирали рано, ничего необычного.

Когда Вера подошла к дому, она уже успокоилась, забылись все тяжелые предчувствия; она дернула ручку, но дверь не открылась: закрыто на крючок. Вера подняла взгляд на серые стены длинного дома напротив, ей он очень нравился, а родителей он всегда отталкивал своим угрюмым видом. А его окна так красиво переливались в вечернем свете, как будто зеркала – или нет, как огромная мозаика или елочная гирлянда. На той стороне улицы Алфёльди, где стоял длинный дом, было не так темно, как на той, где протянулись сады и где как раз жили они. Папа говорил, что сад очень нужен, но Вера думала совсем не так. Папа говорил, ей можно все время играть в саду, но он вечно забывал скашивать там траву, поэтому играть там было не очень удобно. Когда папа возвращался со службы, мама «без толку просила» его покосить в саду, и тогда они шли на детскую площадку – там было даже лучше, потому что туда ходили играть и другие дети, которые жили в красивых высоких домах с лифтами. В общем, для Веры сад был чем-то совсем ненужным.

Мысли Веры бродили вокруг длинного дома, света в окошках, детской площадки и сада, но как только мама открыла ворота и сказала «Уже иду», опять пришел в голову тот дедушка, как скрипела его борода, и как он замолчал в нерешительности. Эта нерешительность вдруг показалась знакомой, Вере уже приходилось сталкиваться с ней – всегда, когда речь шла о ней или о ее родителях. Только раньше как-то не складывалось все это в единую картину. Но, заметив нерешительность дедушки, она вспомнила, как в той же нерешительности замолкали в школе, в магазине, на спортивных занятиях и на танцах – куда бы она ни пошла, всюду, когда говорили о ней, вдруг резко останавливались, будто бы речь шла о чем-то странном, о каком-то секрете; теперь она разложила все по полочкам. Вот и дедушка тоже оборвал себя на полуслове, словно отчаявшись, испугавшись чего-то, когда речь зашла о ее деде.

В этот момент дверь открылась, мама обняла ее, Вера же ответила на объятия как-то машинально, внутри у нее точно инеем все сковало ледяное, чудовищное подозрение.